

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КЛАД

1. Шишига

— **П**усти переночевать, хозяин добрый! — поклонилась путница крепкому седовласому мельнику. — Семья покойного мужа меня выгнала, чтоб наследством не делиться. Иду к своей родне, а тут — гроза...

Собравшиеся вокруг мельника родичи и батраки разглядывали странницу: повязанный по самые глаза темный вдовый плат, серый сарафан, вдрызг разбитые лапоточки.

— Гроза и впрямь скоро грянет, — откликнулся мельник. — Грех гостью с порога гнать.

— Спасибо, хозяин ласковый, — снова поклонилась женщина и смелее подняла глаза на людей.

Молода была вдова. Лет, поди, двадцати пяти. Статная, крепкая, сильная. Волосы темно-русые, глаза темные, взгляд умный, цепкий, живой.

— Хозяин? Это кто здесь хозяин? — раздался вдруг тихий страшный голос, похожий на змеиное шипение. — Здесь только одна хозяйка. Мельница

моя. И хозяйство всё — мое. Мне и решать, кто тут ночует, а кто — нет!

Люди в тревоге расступились, и перед путницей оказалась старуха поразительного вида. Кика шита речным жемчугом, белая льняная рубаша, юбка из дорогого привозного аксамита. А сама старуха — длинная, тощая, высохшая, как рыба кость. Горящие злые глаза глубоко запали в глазницы.

— Не серчай, бабушка, Гордея свет Вышáтична, — поклонился старухе мельник.

«Бабушка? — удивилась про себя путница. — Этот седой человек ей не сын, а внук?»

Гордея Вышатична продолжала гневаться:

— Смерти моей ждете? Я вас еще всех переживу. Я трех сынов схоронила, да пятерых внуков, да двоих правнуков! И вас всех схороню!

Гостья глядела на хозяйку и вспоминала старых до белизны змей, переживших свой яд.

Эта старуха свой яд не пережила. Она им просто сочилась.

Обернувшись к путнице, Гордея холодно бросила:

— Я такого обета не давала, чтоб со всей Славии бродяжек привечать. Ни к чему ты здесь. Пришла незвана, уйди негнана!

— Дозволь сказать, бабушка, — тихо вмешался мельник. — Человека в грозу в дом не пустить — богов прогневить. Перун-Громовник и покарать может. Молнией в крышу...

За лесом откликнулся дальний гром.

Старуха с прищуром глянула на подходящие из-за леса тучи, словно увидела за ними грозного великана с молнией в руке.

— Ну... будь по-твоему, пусть приبلуда остается. Только чтоб в доме не ночевала, еще стянет чего... Пусть ночует в амбаре, что над мельничным прудом.

Кто-то из батраков ахнул.

— Бабушка, — попытался заступиться за гостью мельник, — может, хоть на сеновале? Что она там украдет — охапку сена прошлогоднего?

— Вот дождешься моей смерти — тогда командуй... И чтоб еды ей не давать! Моего добра не хватает — нищих угощать... — Гордея обернулась к путнице: — Как звать-то тебя, гостьюшка дорогая?

На последних словах голос ее задрожал от ненависти.

Странница ответила кротко и спокойно, с глубоким поклоном:

— Ты, Гордея свет Вышатична, мое имя угадала. Сказала ты: «Пришла незвана...» Незваной меня люди зовут...

* * *

Незвану отвели в амбар, покосившийся над прудом так, что вот-вот был готов рухнуть в воду, и оставили одну. В амбаре был свален всякий хлам: сломанная прялка, груда протертой до дыр обуви, какую не взялся бы чинить ни один сапожник, и облезлый кожух из овчин, на который путница тут же уселась.

Со скрипом приоткрылась дверь, в амбар заглянула светловолосая, голубоглазая девчужка лет двенадцати. Заговорила веселым шепотом:

— Эй, гостьюшка... Незвана, да? Я тебе поесть принесла. Только тихо!

И протянула путнице ломоть хлеба с горсткой каши на нем.

— Спасибо, девонька, — протянула Незвана руку за угощением. — Как тебя зовут-то, добрая душа?

— Дарёной кличут.

— Родня хозяйская? — поинтересовалась Незвана, делая вид, что не заметила потрепанной одежки на девочке.

— Нет, батрачу. Да всё равно уйду скоро. Плохое место. А скажи-ка, добрая женщина, пока ты странствовала, не встречался ли тебе человек: по виду бродячий торговец, при нем лошадка навьюченная, а на правой щеке у него — красное пятно от ожога, большое такое, во всю щеку?

— Не встречала. Да я по свету недавно брожу, только как овдовела... А кого ты ищешь, девонька? Родич он тебе?

Дарёна отмахнулась:

— Коль не встречала, так и говорить не о чем... Ты ешь на доброе здоровье!

Пока путница ела, девчушка, стоя в дверях, рассказывала про дела, что творились на мельнице.

Оказалось, Гордея в юности чем-то угодила черту и за то попросила у него долгой-предолгой жизни. А долгой-предолгой молодости попросить, дура, не догадалась. Вот и живет второй век да злобствует на весь свет. Младший правнук, Прибыша, любит батрачку Милану, но старуха запрещает им пожениться. А когда Прибыша с Миланой захотели вдвоем уйти с мельницы — пригрозила проклясть правнука. Проклятие старшего в роду — страшная сила...

— А скажи-ка, девонька, — спросила Незвана, — отчего все испугались, когда хозяйка мне велела ночевать в амбаре?

— Сюда по ночам из тростников шишига таскается, — шепотом ответила Дарёнка. — Задавить может...

И прочь убежала. Незвана с улыбкой поглядела ей вслед: шустрая девчонка ей понравилась.

Затем женщина поудобнее устроилась на кожухе, развязала платок и стала вслушиваться в звуки за стеной — там на пруду сонно вскрикивали дикие утки.

Но шаги раздались не оттуда, откуда ждала их Незвана.

Открылась дверь. На пороге встала Гордея Вышатична.

— Зашла я поглядеть, не взяли ли тебя в дом супротив воли моей... А почему они тебя снаружи на щеколду не заперли, недотепы?.. Эй, чего ты на меня уставилась?

Легко поднявшись на ноги, Незвана ответила:

— Прости, Гордея свет Вышатична, твоя кика нарядная набок сбилась. Дозволь, я поправлю...

— Ой! Больно! — крикнула старуха. — Убери лапы, медведица!

Сама поправила жемчужную кичу и ушла. Снаружи стукнула щеколда: заперла-таки гостью, гадюка...

И тут ударила гроза, рухнул на крышу дождь.

Незвана передвинула кожух, чтобы на него не лили струйки с потолка, и принялась переплетать русую косу.

И не услышала за дождем, как зашлепали за стеной по грязи ноги — широкие, не человечесьи. Сквозь дверь, не тронув шеколды, прошла-просочилась в амбар шишига.

Была шишига ростом мала, горбата, волочила по полу огромное брюхо. Руки — словно ветки суховатые, ладонки — как у лягушки, а зеленые волосы закручены пучком-шишом. Личико с кулачок, а глаза острые, словно шилья.

— Человечьим духом пахнет, теплой кровушкой, — проквакала она, усаживаясь под текущими с потолка струйками.

— То от меня пахнет, — почтительно откликнулась женщина. — Здрава будь, шишига, шишова сестрица.

— Ишь ты, — удивилась пришелица. — А как же твое имя?

Гостья ответила без запинки:

— Имя мое — Гордея, по отцу величают Вышатичной.

— Смела ты, Гордея Вышатична... — Шишига повторила имя, словно пробуя на вкус. — Смела, да больно проста, доверчива... Что ж, за почтительные речи не задавлю тебя. Заберу к себе. У меня в тине дворец из тростника. Будешь там мне прислуживать.

— Я бы, шишига-госпожа, за тобой бегом побежала. Да куда же в тину в этаких лапоточках! — Женщина приподняла ногу, покачала ступней на весу. — Они же развалятся! Вот были бы у меня сапожки...

— Принести сапожки — невелик труд, — снисходительно откликнулась шишига.

Поползла к двери... но вдруг остановилась. Уселась на прежнее место. Уставилась на гостью глазами-шилльцами.

— Ага! Попрошу я знакомого беса, достанет он сапожки. А ты примеришь и скажешь: малы. Я за другими сапогами беса пошлю. Ты скажешь: эти хороши, да к сарафану не идут. Сапожки красные, а сарафан серый. Пошлю я беса за красным сарафаном. Ты к сарафану расшитый пояс потребуешь, потом — цветастый платок, потом — монисто... Протянешь время до петухов. С петухами я уйду, а тебе останутся наряды.

Незвана расхохоталась задорно, звонко:

— Ой, догадлива ты, шишига-хозяйюшка!

— Меня в старые времена этак провела одна девица, — с досадой хмыкнула шишига. И вдруг вскинулась, прислушалась: — Что там, на крыше, зашуршало?

— Так дождь стучит, — удивилась путница.

— Нет, вроде бы еще что-то...

— А ты вскарабкайся да проверь, — безмятежно посоветовала Незвана.

— Время тянешь до рассвета? — остро глянула на нее шишига.

— Тяну, — не стала отпираться гостя.

— Боишься меня, стало быть? — во весь свой губастый лягушачий рот разулыбалась шишига.

— Ничего не боятся только дураки, а я не дура! — откликнулась женщина, и вдруг весело предложила: — Я смекалистая, ты смекалистая — а давай загадки загадывать! Коли проиграю — пойду к тебе в тростниковый дворец, в тинные покои. А ты что поставишь?

— Скажу, где горшок с золотом зарыт. Только, чур, мне начинать. Ну-ка, что это такое: брат брата трет, белая кровь течет?

— При мельнице живешь, про мельницу загадываешь? Жернова и мука. А это что: седые кабаны всё поле облегли?

— Туман, — блаженно откликнулась шишига. — Люблю туман... А вот эту отгадай. Кто ее ладит — тот ей не рад, а для кого ее ладят — тот о ней и не знает.

— Ты про домовину-гроб? Кто ее для покойника сколачивает, тот не радуется, а сам покойник про нее не знает...

— Угадала, — с досадой бросила шишига. — Давай свою.

— Сами не светят, а без них темно.

Шишига думала долго, но все-таки сказала:

— Глаза. А вот о ком я сейчас скажу? Пошли двое на дорогу. Первый рукой махнул, второй убил. Обоих люди взяли. Первого казнили, второму рады были.

Путница ответила с неожиданной горечью:

— Это разбойник и его топор. Уж знаю, что топору люди рады, в хозяйстве сгодится. А разбойничья жизнь медяка не стоит...

— Загадывай! — приказала шишига, глядя в упор на женщину.

Незвана так же пристально поглядела на противницу.

«А ежели спрошу про такое, о чем тебе, шишига, и думать противно, не то что говорить?»

И загадала простенькую загадку, какую любой с малолетства знает:

— Конь скачет, жаром пышет. Весь мир обежит, а никто его не оседлает.

Долго думала шишига. Очень долго. Уже и отгремела гроза, и дождь перестал хлестать по крыше... Наконец сказала неуверенно:

— Ветер?

— Ветер редко жаром пышет. Не угадала ты. Это солнце.

— Тьфу! Где ты загадки такие мерзкие берешь?

— В лесу на пенечке нашла, — дерзко ответила гостья.

— Твоя взяла. Но просто так золото отдать не могу, такой уж у меня норов. Должна ты мне, баба, дать взамен что-то свое.

— Что у меня своего-то? Лапти рваные?

— Кому нужны твои лапти? Глаз отдай.

— Жаль мне очей моих ясных. Не отдам тебе, шишига, глаз.

— Так зуб отдай.

— Жаль мне зубов моих жемчужных. Не отдам тебе, шишига, зуб.

— Так каплю крови отдай.

— Жаль мне крови моей горячей. Не отдам тебе, шишига, ни капли.

— Так и оставайся без золота, коли жадная такая.

— Проиграла, шишига, так плати. Могу дать волосок свой.

— Давай!

В тот же миг молодица увидела перед глазами лес, овраг, старый дуб. Земля под дубом стала прозрачной, виден в ней был печной горшок, светя-

шийся изнутри. Чего только не было в горшке — и серебро, и золото, и камни самоцветные...

— На какой зарок клад положен? — деловито осведомилась молодлица. — А не то буду его брать, а он глубоко в землю уйдет.

— Разбираешься! — оценила шишига. — Зарок — сплясать под дубом. Да чтоб одна нога босая была, а вторая — обутая. Тогда клад в руки дастся... Давай волос! — Шишига потянулась к голове гостью лягушачьими лапами.

Та отпрянула:

— Сама вырву!

Расплела косу, протянула шишиге волосок.

Та глянула с подозрением:

— Косы у тебя русые, а волос седой!

— Я как тебя, шишига, увидала, так от страха седина в волосах побилась.

Довольная шишига пошлепала прочь. У двери обернулась:

— Думаешь, умна ты? Ан не умна! Сама мне имя свое дала, отца своего назвала, волос свой подарила! Через волос да через имя власть я над тобой возьму, Гордея Вышатична. Не будет тебе ни сна, ни покоя, пока не придешь ко мне в глубокий пруд, в топкую тину, в тростниковый дворец. И станешь ты там мне верной рабой. Еще не ляжет первый снег, как заплачут твои родные, искать тебя начнут, да ты не откликнешься...

Незвана вскрикнула, закрыла лицо руками, плечи ее затряслись.

— То-то же! — сказала шишига и прошла сквозь запертую дверь.

Женщина отняла от лица руки — она беззвучно смеялась.

Запели петухи. Что-то прошумело в тростниках, хлюпнуло в тине — и стихло...

* * *

Утром девчонка Дарёнка отворила дверь амбара, обрадовалась, что гостья жива, и посоветовала уходить, пока Гордея ее не заставила ночлег отработать.

Уходя, путница обернулась на мельницу и вспомнила слова шишиги.

— Еще не ляжет первый снег, — нараспев сказала она, — как придешь ты, Гордея Вышатична, в глубокий пруд, в топкую тину, в тростниковый дворец. И станешь ты там шишиге верной рабой. Но не станут плакать по тебе твои родичи. Радоваться будут. Пожила ты на белом свете — и довольно... А имя ты мне дала неплохое — Незвана! Оно мне удачу принесло. Оставлю его пока себе, а там погляжу!

* * *

Пока Незвана брела извилистой лесной тропой, она глядела больше не по сторонам, а вниз, чтоб хитрая ель не подставила ей под ноги корень. Но чуткий слух улавливал легкий хруст сучьев позади. Кто-то шел следом за женщиной, не догоняя и не отставая.

Только выйдя на проезжую дорогу, узкую, с накатанной тележной колеей, Незвана увидела, кто же плетется позади.

Женщина остановилась, поджидая, когда с нею поравняется худенькая девчушка со старой сумой на плече, в истрепанной по подолу юбке поверх длинной рубахи и в ветхом темном платке.

— Ну и куда ж тебя ноги несут, Дарёнушка?

Девочка степенно отвесила ей поясной поклон:

— Дозволь с тобой идти, тетенька Незвана!

— Со мной? — удивилась путница. — И куда ж ты хочешь дойти?

Не отвечая на вопрос, девчонка затараторила:

— Я в обузу не буду. Кормить меня не надо, лес прокормит, я еще полковриги хлеба взяла. Я хожу быстро, от усталости не ною, я бывалая, с осени странствую. На мельнице только застряла, потому что зима...

Незвана прищурилась, подозрительно оглядела девчонку с головы до ног:

— А ты не украла ли чего на мельнице? А то нагонят тебя — а отвечать двоим придется.

— Чего я украла-то? — возмутилась Дарёна и потряхнула тощей сумой. — Вот, погляди, коли не веришь! А что хлеба кусок взяла, так я ж за еду батрачила!

— До того куска хлеба мне дела нет, а вот почему ты за мной увязаться решила? На мельницу крестьяне зерно возят?

— Возят.

— Вот и попросилась бы на подводу. Идти бы не пришлось — довели бы до деревни.

— Мне не надо до деревни.

— А куда ж тебе надо?

— Туда же, куда и тебе!

— С чего это вдруг мне такая честь неслыханная?

Девчонка повозила в дорожной грязи носком ноги в лапоточке и решилась:

— Потому что ты шишигу перехитрила. Ты и волос ей подсунула не свой, а Гордеи Вышатичны, да? Выдернула, когда ей кикю поправляла?

Вот тут Незвана изумилась всерьез:

— Откуда знаешь?

— Подслушала, — шепотом созналась Дарёна.

Незвана всплеснула руками. В памяти ее зазвучал чавкающий, хлюпающий голос: «Что там, на крыше, зашуршало?..»

— Ты сидела на крыше?

— Угу... — уныло созналась девчонка.

— Ночью? В дождь?

— Так ведь днем шишига не приползает... А дождь — ерунда, я рогожкой накрылась...

— Рогожкой она накрылась, храни меня чурь-предки! Рогожкой!.. Вот залезла бы шишига на крышу... Так. Ладно. И что ты там вынюхивала, в рогожку завернувшись?

— Я ищу человека, который бы нежить перехитрил.

— Нежить бы перехитрил? — Незвана подумала про клад, о котором слышала несносная девчонка (хорошо еще, шишига не сказала вслух, где этот клад спрятан). — И зачем тебе такой человек, горе ты горькое?

— Я... мне... Осенью, по дороге в город Дубнец, я повстречала гадалщика. Он слепой был, его мальчишка водил... Я ему последнюю лепешку отдала,

чтоб погадал. Он раскинул камни с вырезанными черточками, каждый камешек пальцами ощупал. И сказал, что передо мной сотни дорог, но все ведут к беде и погибели. Как ни ходи, что ни делай, а выходит, что мне пропадать. И только одна у меня есть надежда: встретить женщину, которая сумеет нежить обхитрить, и идти за этой женщиной. Это тоже будет опасная дорога, но она все-таки может и привести к счастью.

— Верно говорят: к голове ума не пришьешь! — расхохоталась Незвана. — Овца ты доверчивая! А тот гадалщик совсем совесть потерял. Мог бы за лепешку и повеселее чего наскзать. Хочешь, я за полковриги, что в твоей суме, тебе судьбу напороочу лучше любого волхва?

Женщина сделала солидное, серьезное лицо, глянула властно, заговорила низким голосом:

— А ждет тебя, девица, жизнь богатая да сладкая. Есть будешь на серебре, спать на пуховых перинах, жить в высоком тереме. Княгиней будешь...

И замолчала, увидев, каким ужасом исказилось лицо девочки.

— Нет! — крикнула Дарёна и вскинула руку, словно защищаясь. — Не надо! Не говори так!..

Незвана махнула рукой:

— Надоела ты мне со своими причудами. У тебя своя дорога, у меня своя. И не таскайся за мною, поняла?

Повернулась и пошла прочь.

Уже отойдя довольно далеко, не удержалась, оглянулась.

Настырная девчонка упорно брела за нею следом.

* * *

Постоялый двор «Добрый путь», куда к полудню добрела Незвана, явно знавал лучшие времена. Опытный взгляд странницы подмечал: забор покосился, ставни на единственном окне повисли криво, колодезный журавль вот-вот завалится наземь. Тут не просто денег нехватка, тут явно нет мужской заботливой руки. Овдовела, видать, хозяйка...

На крыльцо вышла высокая, худошавая женщина, степенно поздоровалась. Но путница всё же заметила внимательный взгляд, которым хозяйка быстро окинула ее с головы до ног. Оценила, стало быть, бедный вид гостыи.

— Здравствуй, свет хозяйюшка, — поклонилась ей Незвана. — Дозволь у тебя отобедать. Заплачу чин чином, как положено. Не смотри, что выгляжу нищенкой. Найдется немного меди.

Лицо хозяйки прояснилось:

— Заходи, сделай милость. В дороге мало кто наряжается в аксамит да в шелк, чего уж там...

Задержавшись у крыльца, Незвана обернулась и увидела, как из-за поворота дороги появилась маленькая фигурка. Девочка шла медленно, утомленно.

«Упрямая!» — подумала Незвана и быстро сказала хозяйке:

— Видишь бродяжку? Я добавлю к своей плате пару медяков, а ты ей плесни похлебки или каши положи. И дозволь ей переночевать. Только не говори, что я заплатила, а не то привяжется ко мне, не отцепишь...